

**МУДРОСТЬ ФИЛОСОФИИ:
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПОЛЯ РИКЁРА**
Международная научная конференция
Москва, Институт философии РАН, 28 – 29 мая 2013 г.

Д.А. КИБАЛЬЧИЧ

Международная конференция, посвященная столетию со дня рождения классика современной философии Поля Рикёра, состоявшаяся в Институте философии РАН¹, стала для отечественной философской науки примечательным событием. Конференция позволила осветить основные идеи французского философа и наладить диалог специалистов, исследующих творчество мыслителя в разных частях России и других странах (Франция, США). При ее подготовке обозначились пять блоков проблем, предполагающих разнообразное и многостороннее обсуждение ключевых для творчества Рикёра тем: антропологическое учение, включающее разработку проблемы человека с центральной для нее идей «человека могущего»; проблемы самости, личной идентификации, признания, свидетельствования, дара, прощения; понимание герменевтики и нарратива; социально-политические аспекты; связь с философскими традициями.

Одна часть сообщений была направлена на освещение основных граней философии Поля Рикёра и рецепцию его идей современными специалистами, в другой анализировалось творчество французского мыслителя в контексте проблем современного мира – нетерпимости и ксенофобии, понимания идентичности и признания, самоопределения и солидарности на уровне индивида, сообществ людей и целых народов. В каждом докладе с той или иной стороны освещались темы места человека в мире и необходимости построения диалога. Не умаляя значимость каждого из двух десятков сообщений, которые были сделаны докладчиками в рамках конференции, мы не имеем возможности подробно (что представляет для специалистов несомненный интерес) остановиться на частных деталях творчества Рикёра. Скорее, стоит обратить внимание на темы (в сообщениях и последующих обсуждениях), которые звучали на протяжении всей конференции в рамках разных секций и были особо значимыми для французского философа.

Открыла конференцию *Н.В. Мотрошилова* (д.ф.н., заведующая отделом историко-философских исследований Института философии РАН). Она отметила, что творчество Рикёра, какой бы аспект бытия оно ни затрагивало, непременно является исследованием человека, философствованием о человеке. Над всем, с чем связано творчество мыслителя, стоит знак философии человека и философии о человеке. При этом Рикёр имеет в виду особый аспект человеческого существа – для него ключевым определением человека является понятие «l'homme capable»². Это – полемическое понятие, направленное против философских концепций, где человек признается подвластным другим. Французский мыслитель верил, что величие человека состоит в диалектике труда и слова. Сам

Полю Рикёру проведена жизнь в служении слову. Философия классика французской мысли XX в. увязывает глубокие философские традиции с реальной повседневной жизнью обычного человека; она тяготеет к жизни, к проблемам и переживаниям обычных людей, соединяя вместе с этим высокий теоретический уровень осмысления. По словам Н.В. Мотрошиловой, мягкость и интеллигентность этого удивительного человека сочеталась с убежденностью в своей правоте и готовностью отстаивать собственные взгляды.

Своим творчеством Рикёр доказал также фундаментальное значение феноменологического течения для XX столетия и сам внес существенный вклад в эту философскую традицию. По мнению Н.В. Мотрошиловой, значимость Рикёра состоит в том, что у мыслителя есть «своя феноменология», собственное толкование феноменологии, которое исключительно интересно и плодотворно. Рикёр, несомненно, является классиком философии, а в плане своего философского метода он удивительно глубок и детален. Французский мыслитель обращает свое внимание на очень тонкие и сложные проблемы, и весьма непростой задачей становится попытка проследить за его скрупулезным анализом, что получается далеко не у каждого. Рикёр является выдающимся французским философом еще и в связи с глубокой жизненностью тем, над которыми он размышлял с объективностью и непредвзятостью, которых придерживался в своей профессиональной деятельности на протяжении всей жизни. Большинство участников конференции в рамках своих сообщений и следующих за ними дискуссий и выступлений выразили свое согласие с Н.В. Мотрошиловой в том, что помимо тщательности, с которой Рикёр подходил к каждой проблеме, он умел блестяще полемизировать, твердо отстаивая свои новаторские позиции.

Секцию, посвященную антропологии Рикёра, открыл *П.С. Гуревич* (д.ф.н., заведующий сектором истории антропологических учений Института философии РАН) докладом «Философская антропология Поля Рикёра». Цель своей исследовательской деятельности, считает он, Рикёр видел в том, чтобы представить целостную концепцию человека, осмыслив тот вклад, который внесли в нее основные философские течения XX в. — философия жизни, феноменология, экзистенциализм, персонализм, психоанализ, герменевтика, структурализм, аналитическая философия, моральная философия, социальная философия, философия религии, философия политики, философия культуры. При этом Рикёр опирался на идеи философской классики, не оставляя в стороне фундаментальную важность Канта, Фихте, Гегеля. О французском мыслителе можно было бы сказать то, что Э. Кассирер относил к Канту: он стремился к идеалу широкого практического знания о человеке.

Французский философ стремился к пониманию человека во всех глубинных проявлениях. Собственно, герменевтика, в трактовке Рикёра, есть не что иное, как истолкование того или иного феномена или процесса с опорой на разнообразные дискурсы и типы знания, субъектом которого неизменно оказывается отдельная личность. В своих исследованиях Рикёр использует герменевтический метод, при этом его не устраивает

такой проект герменевтики, с помощью которого распознается исключительно смысл текста. Рикёр вскрывает такие ресурсы герменевтики, которые позволяют любому тексту инициировать рефлексивное влияние на человеческую жизнь, на способы бытия-в-мире.

Французский мыслитель рассматривает герменевтику как пространство диалога и как философию социального действия, полагая, что ее назначение состоит в соединении интерпретаций, векторы которых направлены в разные стороны, и в выполнении миссии экзегезы всех значений, которые возникают в культурном космосе. Центральное место в философской антропологии Рикёра занимает проблема человеческой субъективности. Именно к этой теме сводится все многообразие антропологических сюжетов, затронутых французским философом: проблема я, идентичности, «археологии субъекта», символической картины мира, признания, человеческого бытия и небытия и др. Каждый из этих сюжетов может быть развернут в самостоятельную тему философской антропологии.

Далее прозвучало сообщение *Моник Кастийо*³ (профессор университета Париж-Кретей, одна из учениц Поля Рикёра), которое посвящалось философскому осмыслению проблем идентичности и автономии, приобретших особую остроту в областях юриспруденции, этики и политологии. М. Кастийо подчеркнула, что сегодня вопрос о праве на идентичность обострился во многих областях знания и деятельности человека и является одной из важнейших тем современного философского дискурса.

Своим опытом чтения и понимания философии Рикёра в связи с рассмотрением «золотого правила» морали поделился *Р.Г. Апресян* (д.ф.н., заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН). Он специально подчеркнул, что работы французского мыслителя важны не только в этическом, но и в метаэтическом и методологическом аспектах⁴.

Секцию, посвященную проблемам дара, признания и прощения открыл доклад *И.А. Михайлова* (к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии РАН) «Признание: А. Хоннет и П. Рикёр». Темой его доклада стало рассмотрение теории признания, предложенной П. Рикёром в работе «Путь признания» (2004), последней из прижизненно опубликованных им книг. Охарактеризовав этот текст как один из самых загадочных по своим целям, докладчик проиллюстрировал эту особенность методом проблемного построения книги. Работа состоит из трех «очерков», дополняемых «подведением итогов» («Заключение. Пройденный путь»). Первый очерк открывает идея возможности теории признания, которая была бы по своему значению сопоставима с теорией познания. И.А. Михайлов обратил внимание на то, что постановка проблемы признания в этом контексте безусловно является новаторской и чрезвычайно актуальной для современной философии, находящейся в поисках интердисциплинарных моделей: соединения «теоретической» философии с «практической», «социальной», этически и жизненно ориентированной. Сама возможность постановки Рикёром проблемы в аспекте столь универсальном была, считает автор сообщения, обеспе-

чена работами немецких и американских философов и политических теоретиков начиная с 1992 г. Акселя Хоннета, по праву считающегося первооткрывателем этой современной проблематики, Рикёр оценивает достаточно высоко. Вместе с тем Рикёр надеется построить теорию признания, которая не была бы с необходимостью ограничена сферой социального анализа (у Хоннета «признание» хотя и не сводится лишь к социальной сфере, однако все-таки существенно к ней «привязано»). Этими общефилософскими задачами французского философа объясняется, возможно, и то, что свой анализ Рикёр начинает с анализа практики словоупотребления слова, зафиксированной в словарях. Избранный путь не лишен совершенно очевидных достоинств. Однако он связан и с серьезными затруднениями. Насколько универсальной может оказаться теория признания, отталкивающаяся от анализа лишь одной языковой практики словоупотребления (французской)? Если, далее, конечная цель Рикёра заключается в нахождении новой «жизненной», «практической» философии, то насколько оправдан подход, начинающий с апелляции к «теоретическим» мотивам? (Рикёр говорит о «замешательстве» в связи с отсутствием теории признания, да и «реальность словарей», с которой он начинает свой анализ, может быть истолкована как совокупность теорий о многообразии значений этого слова.)

Проблематике признания и дара посвятил свой доклад «"Люди первого жеста": к феноменологии дара П. Рикёра» *С.Д. Домников* (к.и.н., старший научный сотрудник Института философии РАН). Он отметил, что, еще начиная с Гегеля, признание является феноменом историческим, восхождением от обезличенного состояния к человеческой самости — социальному миру. Французский философ как выдающийся диалектик рассматривает проблему признания через связь с дарением. Дар — это сам мир, который человек получает вместе с рождением. В родственных отношениях (особенно в надеждах и ожиданиях родителей) человек открывается как обладающий возможностями и способностями и тем самым получает путь в мир социального. Становясь социально зрелым, человечество обретает понимание социального как требующего взаимного признания. Доверие к другому становится той областью, где смыкаются во взаимном признании позиции активности и претерпевания. Доверие выступает предварительным условием любых отдельных мнений и частных суждений. Через это доверие возможны моя деятельность и мое отношение с другими. Готовность к дарению, как отмечал Рикёр, есть жест, дающий начало взаимности.

Свое выступление *А.В. Ямпольская* (к.ф.н., доцент Российского государственного гуманитарного университета) начала с утверждения, что наследие философа в аспекте понимания дара и прощения обширно, а его осмысление является нетривиальной задачей. Тем не менее она обозначила в его интерпретации три основных направления. Во-первых, по ее мнению, важным аспектом является отнесенность проблематики дара к традиционному теологическому контексту (в частности, Рикёр возводит эту проблематику к Августину, который ввел ее в философию). Во-вторых, ключевой момент проблемы дара и прощения французский

мыслитель усматривает в том, чтобы исследовать связь между субъектом и его поступком (в этом аспекте его мысль следует за Ханной Арендт, хотя он и полемизирует с ней). В-третьих, Рикёр вводит темпоральный аспект феноменологии хорошей памяти, которая неразрывно связана с эсхатологической проблематикой. Для Рикёра, в отличие от Дерриды (который видит эту проблематику в контексте *Deus ex machina*), особо важны историко-философские параллели. Проблема дара и прощения, по мнению Рикёра, не должна ставиться в традиционной форме, т.е. в каузальных терминах или терминах суверенитета — эта проблематика, по мнению французского мыслителя, должна ставиться в рамках философии субъекта. Пока intersубъективные отношения трактуются в каузальных терминах (как отношения между субъектами поступка и субъектами действия), метафизика дара и прощения останется в плену у метафизики каузальности. Рикёр предлагает мыслить прощение не как событие (как это делали мыслители до него), а как забвение. Здесь философ близок к Янкелевичу, который связывает проблематику прощения с исторической темпоральностью, несмотря на то, что прощение отменяет историю. Прощение связано с особым видом темпоральности, разрушающей старый и устанавливающей новый порядок смысла. Для Рикёра прощение неотделимо от исторического нарратива. В нем субъект выстраивает себя, когда говорит о себе — только в этом нарративе мы можем говорить об акте прощения, и это Рикёр называет «высшим доверием» к другому.

Следующее свидетельство «Долг памяти и кризис свидетельства: Поль Рикёр и Примо Леви» сделала *О.В. Попова* (к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии РАН). Ввиду своей тематики и характера изложения это выступление несло в себе глубокую эмоциональную окраску. Круг проблемных вопросов, которые оно затрагивало, был связан с личным опытом пребывания в концентрационных лагерях времен нацистской Германии итальянского писателя П. Леви. Докладчица постаралась осветить то, как идеи Рикёра (к слову, также участника Второй мировой войны, прошедшего через тяготы немецкого плена) относительно философского осмысления понятий памяти и забвения оказали влияние на одного из узников концлагерей. Искусство забывать освобождает человека от страдания — это момент его личного права. Понятие же памяти непосредственно связано с понятием свидетельства. Свидетельство всегда находится в публичном пространстве — свидетель перед взором публики должен отстоять свою идентичность, свою самость. Однако этот опыт свидетельства не применим к узникам концлагерей, поскольку для свидетельства нужна дистанция, в то время как узники были жертвами и не могли дистанцироваться от происходящего. Иногда человек просто не может сказать ничего, так как это не выразимо словами. Леви говорит — не мы (выжившие) являемся свидетелями. Немыми свидетелями для него являются как раз те, кто до самого конца воспринял опыт и расстался с жизнью — их смерть является подлинным свидетельством.

Второй день конференции начался с секции, посвященной историко-философским проблемам и отношению самого Рикёра к истории фило-

софии. Первый доклад сделала *А.А. Мёдова* (к.ф.н., доцент Красноярского технологического университета), показавшая важность проблематики времени для Рикёра, как и для всей философии XX в.

Выступавшая за ней *М.Ф. Быкова* (профессор факультета философии и религии университета штата Северная Каролина, США) отметила сложность определения места Поля Рикёра в интеллектуальной истории прошлого столетия. Эта сложность связана с необычайно широким диапазоном тем исследования, которые анализирует философ: от человеческой свободы и проблемы зла до феноменологии, психоанализа и повествовательного дискурса. Наряду с Хайдеггером и Гадамером, Рикёр стал одним из ведущих представителей философской герменевтики, философии воли, философии истории и теории морали, философии религии и других разделов философского знания. Столь обширный охват, глубина и новизна философских вопросов и способа их интерпретации не позволяют вписать учение мыслителя в рамки какой-либо одной философской традиции. Существует и проблема описания философии Рикёра в традиционных терминах. Но тут на помощь приходит сам Рикёр, называя свою философию «постгегельянским кантианством».

По мнению Рикёра, современный философский дискурс определяется соединением и переплетением эпохальных идей Канта и Гегеля. Что-то мы берем у Гегеля, а в чем-то его превосходит Кант (поэтому мы всегда мыслим их вместе – мы постгегельянцы и посткантианцы одновременно). Однако нам не стоит неукоснительно следовать за их мыслью – наша задача научиться мыслить иначе, чем два великих классика немецкой философии. Вместе с тем для Рикёра Кант и Гегель не просто крупнейшие величины философской мысли – он говорит с ними как с современниками, объединенными диалогом и определенным философским дискурсом. Именно этим определяется позиция Рикёра и его подход, который является не просто историческим, а концептуально-содержательным. Поэтому Канта и Гегеля французский философ читает вместе – в диалоге друг с другом. Однако было бы ошибочным полагать, что Рикёр пытается ограничиться этими двумя философами – его подход гораздо шире и круг персоналий, на которых он опирается и ссылается, выходит далеко за географические и временные рамки периода, когда жили Кант и Гегель. Это классики древнегреческой философии, Гуссерль и Ницше, Маркс и Ясперс, Фрейд и многие другие. Тем не менее, считает М.Ф. Быкова, определяющим вектором является кантианство, усвоившее уроки гегельянства, поэтому мы в равной степени связаны с обоими мыслителями. Рикёр – приверженец подхода, который предполагает не отказ от одной точки зрения в пользу другой, а, скорее, попытку сопоставления и поиска всего наилучшего в трудах каждого философа (не только Канта и Гегеля, но и Платона, Аристотеля, Августина, Спинозы). Это не просто широта мышления – Рикёр не ассоциирует свои позиции с системой каждого из этих философов. Он подчеркивает, что «мыслить Канта и Гегеля лучшим образом» означает не отказываться от их философских позиций, а улавливать движение их мысли. Рикёра интересуют картины мира философов, а не конкретные теории.

Представляя свое сообщение, **В.П. Визгин** (д.ф.н., главный научный сотрудник Института философии РАН) отметил, что оно является своего рода комментарием к тому объемному исследованию⁵, которое он проделал в ходе подготовки к Конференции в связи с сопоставлением творчества Поля Рикёра и Габриэля Марселя. Марсель был для Рикёра одним из самых близких философов. Особое значение докладчик усмотрел в том, что важнейшим и ключевым для всей философии Габриэля Марселя Рикёр считает понятие «второй рефлексии», описывая его как сквозной стиль мысли Марселя. «Первая рефлексия» — это то, что лишь систематизирует мир опыта, и связана она только с его «оболочными» зонами. Однако опыт не сводится к объективности в рациональной системе. Существование сопротивляется объективации, а бытие сопротивляется исчерпывающему анализу, имеющему дело с данными опыта и пытающемуся шаг за шагом вести к элементам, все более лишенным внутренней значимости. «Вторая рефлексия», нацеленная на «метапроблематическое», стимулирует работу разума над самим собой и выступает как критическая рефлексия эпистемологических концепций философии.

Следующее сообщение «Поль Рикёр и рефлексивная философия: некоторые аспекты» было представлено **И.И. Блауберг** (д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН), которая отметила, что сам Рикёр выделял три компонента своей философии: 1) французскую рефлексивную философию, 2) феноменологию Гуссерля, 3) герменевтическое направление феноменологии. В своем сообщении докладчица продемонстрировала важность для мысли Рикёра французской рефлексивной традиции (с одной стороны опиравшейся на идеи Декарта, а с другой — на наследие Канта), не столь широко известной не только среди отечественных, но и среди зарубежных исследователей. Такие философы, как Мен де Биран, Равессон, Лашелье, Ланьо оказали заметное влияние на французскую философскую традицию XX в. и на творчество Поля Рикёра. Мыслители этого направления открывают обсуждение многих тем, играющих огромную роль во французской мысли (философия действия, философия воли, учение о телесности, моральная философия и т.д.). Рикёр прекрасно знал французскую философскую традицию прошлых столетий, и исследование его работ, что было отражено в сообщении, требует более пристального изучения этой традиции.

Открывая секцию «История. Герменевтика. Рассказ», **Н.В. Мотрошилова** прежде всего отметила особое видение истории философии Рикёром. Философы, которые не общались непосредственно, могут сходиться в текстах французского мыслителя на какой-то «прекрасной сцене историко-философского единения». Как историк философии Рикёр удивительно прозорлив и объективен — обращаясь к тому или иному философскому тексту, он не всегда может согласиться с ним, но непременно находит нечто интересное для себя, чтобы составить представление о том, как присутствовала история философии в мыслительном дискурсе XX в. и как она воспринималась во Франции. Особую важность Н.В. Мотрошилова придала теме истории как неразрывного единства человеческой цивилизации. Она отметила, что для Рикёра движение цивилизации

предстает как бесконечное усложнение, компенсирующее возникновение разрывов в деле объединения. Французский философ задается вопросом, как существует единый проект человеческой цивилизации при том, что имеется множество различных взаимопереплетений человеческих связей и культурных позиций. С другой стороны, история всегда включает элемент субъективности, так как творится субъективными агентами; существует и субъективность самих историков и философов — людей выстраивающих видение истории.

Особенности взгляда Рикёра на связь исторического нарратива с опытом осветил в своем сообщении *Б.Л. Губман* (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета). Опыт представляет собой образование, которое обретает многогранность во времени и повествовании. Проблема исторического опыта у Рикёра связана с проблемой памяти и граничит с проблематикой забвения. Рикёр обращается к аккумуляции опыта на уровне индивидуальной и коллективной памяти. Историческая наррация представляет собой часть опыта, обретая черты профессиональных форм работы историков. Рикёр соединяет англо-американскую и континентальную традиции, переводя их на уровень герменевтической рефлексии. На этой стадии он обращается к критической философии истории и самой возможности создания исторической наррации. Понимание современности и ее оценочный вердикт уходят для него в онтологическую сферу, и новизна идей Рикёра состоит в том, что проблему нарратива и исторического опыта он вводит в более широкий круг религиозно-нравственных оценок.

Во многом созвучным этому сообщению было выступление *Е.Н. Шульги* (д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН, чл.-корр. Бразильской академии философии). Она отметила, что Рикёр не рассматривает нарративную герменевтику как специальную область, а говорит о герменевтике как об определенной методологии познания, используя нарративность как метафору. Для Рикёра понятие человека является фундаментальным — оно проистекает из способности человека к поступку, действию, переживанию бытия, сочувствию. Человеческие влечения и желания обусловлены в своей основе волей к бытию. Личность у Рикёра становится местом встречи значений, которые обуславливают как жизнь отдельного индивида, так и социальное бытие сообщества людей и культуры в целом. Этот смысл постигается через интерпретацию смыслов культуры. Человек двойствен — порой он может быть безвольным, но тем не менее именно воля направляет его. По своей природе человек слаб, и эта слабость связана с осознанием конечности бытия. С другой стороны, человек пытается запечатлеть себя, выразить себя в различных (реальных и воображаемых) и многообразных формах бытия. Человеческая природа проявляет себя не только в действиях и поступках, но и в языке и культуре в целом. Творчество, которое лежит в основе культуры и является ее образующим элементом, связано именно с языком. Человек мыслит себя как часть культуры на основе языкового коммуникативного опыта и способности передавать смыслы. Герменев-

тика берет свое начало с рассуждения о том, что есть символ — иерархия значений, где смысл изначальный проясняет вторичный смысл, который может быть эксплицирован только на основе этого первичного смысла. Отталкиваясь от фигурального и непрямого смысла, мы движемся к первоначальному смыслу. Рикёр связывает понимание этого смысла со способностью преодолевать сомнения картезианского толка. В рамках герменевтического вопрошания мы не задаемся вопросом о том, насколько достоверны эмпирические объекты — нас интересует вопрос, что значит понимать. Философская герменевтика Рикёра сочетает в себе традиционную методологию интерпретации, восходящую к практике экзегетики и рефлексивной философии, которая должна быть дополнена понятиями интенциональности и жизненного мира. Это придает герменевтике феноменологическую и онтологическую направленность. Не существует понимания самого по себе, поскольку оно опосредовано знаками, символами и текстом. Символические системы способны как создавать, так и воссоздавать, реконструировать реальность. В этом плане в рамках нарратива эстетическое переживание в литературе сходно с эпистемологическим пониманием мира в научных моделях. То и другое, по сути, предстает метафорами для раскрытия человеческого опыта и мира в целом (хоть и в разных проявлениях). В основе этих предметов лежит продуктивное воображение, разработка понимания которого делает актуальной мысль Рикёра.

Последняя секция в рамках конференции была посвящена далеко не последней теме в творчестве классика французской мысли — социально-политическим аспектам его философии. Первым докладом в рамках этой секции стало сообщение *М.М. Федоровой* (д.п.н., заведующая сектором истории политической философии Института философии РАН). Она считает, что политическое учение является магистральной линией мысли Поля Рикёра. Долгий творческий путь французского философа позволил ему затронуть целый ряд тем, сформулировать свое понимание основных проблем современности. Под разными углами в его творчестве освещаются проблематика жизни общества, понятие политического как такового, политическое зло и насилие, принципы политического действия, политической воли и политической идеологии. В центре внимания М.М. Федоровой оказалось освещение того, что представляет собой политическое как таковое. Предметом политической философии Рикёра является принадлежность человека обществу, имеющему демократический характер. Это общество (было особо подчеркнуто, что Рикёр имеет в виду прежде всего западные демократии) в силу своей структуры и своей системы ценностей постоянно ставит вопрос о собственной легитимности. О Рикёре нельзя сказать, что он представитель конкретного политического направления — он прежде всего политический философ, рассматривающий понятие политического извне (через философию диалога и неразрывность опыта, берущего начало в Античности). Политическое у Рикёра чрезвычайно важно для политико-философского дискурса XX в.: именно политика делает человека человеком и является источником его гуманности. Политическое — попытка разумной орга-

низации человеческого бытия, и рациональность приходит в этот мир во многом благодаря политике. Человека делает человеком именно принадлежность к сообществу граждан. Политическое в этом аспекте не есть противопоставление интересов, но диалог разных сторон. Вместе с тем политика есть принятие решений, воля. Отсюда проистекает проблема зла, так как власть является инструментом политической рациональности. Таким образом, темы насилия и разума непосредственно связаны. На арену выходит идея этического политического.

Об особенностях герменевтического подхода Рикёра, состоящих в обращении к человеку и включении им социального контекста в проблемное поле собственных исследований говорила *М.А. Пилюгина* (аспирантка сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН). В сообщении поднимались социальные аспекты творчества французского мыслителя — социальное взаимодействие людей и их взаимопонимание. По ее утверждению, понимание для Рикёра является деятельностью по интерпретации текстов, знаков и символов культуры и заключенных в них смыслов; Рикёр подчеркивает особенность познающего субъекта как обладающего способностью вступать в полемику с другими Я, анализирует то, как понимание зависит от включенности человека в социальный и культурный контекст.

Сообщение *И.А. Кацаповой* (к.ф.н., сотрудник сектора философии российской истории Института философии РАН) «Межкультурный смысл и значение понятия П. Рикёра “восприятие себя как другого”» было сосредоточено на проблеме межкультурного философского дискурса. Спроецированность этого дискурса на взаимопонимание его участников свидетельствует об их заинтересованности в позитивном обсуждении дискутируемых тем. Особое внимание И.А. Кацапова уделила философско-правовой проблематике в творчестве Поля Рикёра и русских мыслителей XIX в.: Владимира Соловьёва, Бориса Чичерина, Ивана Ильина, Льва Толстого и др. Poleмика между двумя «величайшими русскими философами права» Б. Чичериным и В. Соловьёвым, отметила автор сообщения, оценивается как грандиозное событие интеллектуальной жизни, как самый масштабный из всех философско-правовых споров.

Выступившая в завершение Конференции *И.С. Вдовина* (д.ф.н., главный научный сотрудник Института философии РАН) отметила, что обсуждение творчества Рикёра прошло под знаком той программы, которую французский мыслитель наметил для себя в самом начале своей творческой деятельности: он стремился учиться у великих философов XX в., и в результате, благодаря своим незаурядным способностям и чрезвычайной чуткости к болезненным проблемам современного мира, сам сумел встать в один ряд с ними. В книге «Я-сам как другой» французский мыслитель пишет о проблеме человека как о руководящей нити собственного творчества, об «антропологическом введении» в философию и политическое учение, их основном проекте. Начало этого проекта — далекие 30-е гг. XX столетия, когда, готовясь к агрегации по философии, он познакомился с трудами Г. Марселя, К. Ясперса и Э. Мунье: «У Габриэля Марселя, — отмечал он, — я заимствую подход к философским проблемам, исходящий из жизни

индивидов»... «Ясперс заставил меня обратить внимание на способности человека познавать, хотеть и действовать»... «У Мунье я учился связывать духовные устремления с принятием политической позиции».

С полным основанием можно утверждать, что Поль Рикёр является одним из ведущих философов не только XX, но и начала XXI в. — и не только потому, что его остро актуальные труды «Память, история, забвение» и «Путь признания» вышли в это время (в 2000 и 2004 гг. соответственно) и что продолжается публикация его работ, которые сам автор не успел подготовить к печати, но и потому, что он завещал нашему времени философию как практическую мудрость, содействующую гуманизации человека, культивированию и возрастанию его человечности.

Конференция прошла в доброжелательной и конструктивной манере, показав, что острота поднятых тем и их значимость в XXI в. остается невероятно высокой. Результаты Конференции свидетельствуют о пристальном интересе к творчеству Поля Рикёра в кругах отечественных и зарубежных исследователей. Доклады и дискуссии в рамках каждой секции затрагивали разную проблематику и различные аспекты творчества французского философа — их спектр был необычайно широк. Тем не менее, целый ряд моментов звучал постоянно вне зависимости от обсуждаемой темы. В большей части докладов можно было слышать восхищение по поводу внимательности и тщательности исследовательской работы Рикёра в отношении каждого из широкого круга вопросов, который охватывает творчество мыслителя. В ходе Конференции по целому ряду ключевых для Рикёра и актуальных для современного мира тем разгорались активные дискуссии. Ее участники смогли обсудить лишь часть вопросов, которыми занимался мыслитель, но едва ли в рамках одной конференции можно было охватить больший спектр проблем. Своеобразным итогом конференции можно считать то, что интерес к философии Рикёра не угасает, активно издаются новые переводы его работ и исследования, посвященные его творчеству (в том числе на русском языке). Так что настоятельно необходимо продолжение исследовательской работы и выявление новых граней творчества французского мыслителя, идеи которого приобретают все большую актуальность в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На сайте Института философии РАН (http://iph.ras.ru/2013_05_ricoeur.htm) представлен ряд материалов (в том числе аудиозаписи докладов), с помощью которых можно получить более полное представление о Конференции.

² Человек могущий (фр.)

³ На протяжении всей конференции обязанности переводчика профессора Кастийо любезно взяла на себя член организационного комитета Конференции научный сотрудник Института философии РАН О.И. Мачульская.

⁴ Сообщения М. Кастийо, Р.Г. Апресяна и А.А. Мёдовой публикуются в настоящем номере журнала. С. 51.

⁵ Эта работа планируется к изданию в книге по материалам Конференции под названием «Поль Рикёр и Габриэль Марсель».